

Т. Р. Сабитов

Институт переподготовки и повышения квалификации
сотрудников ФСБ России
Красный пр., 84, Новосибирск, 630091, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsk.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ПРИНЦИПЫ

Уголовно-правовая политика тогда будет эффективной, когда она представляет собой цельный, научно обоснованный курс борьбы с преступностью. Такую цельность ей придают руководящие идеи, составляющие ее «костяк» – принципы уголовно-правовой политики. К сожалению, современные уголовно-политические решения в России не отличаются четкой подчиненностью принципам. К тому же последние выделяются лишь в юридической науке, а их количество и содержание четко не установлены. В связи с этим в ситуации, когда сегодня в России уровень преступности (ежегодно совершается более 3 млн преступлений), по мнению криминологов, представляет угрозу ее национальной безопасности [21. С. 112–117], возникает острая необходимость в разработке вопросов принципов уголовно-правовой политики.

Для правильного понимания принципов уголовно-правовой политики важно определить такие понятия, как «уголовная политика», «уголовно-правовая политика», исследовать задачи, субъектов, правовые и организационные основы уголовно-правовой политики, а также соотношение ее принципов и принципов уголовного права.

В уголовно-правовой литературе достаточно много определений *уголовной политики*. Например, А. И. Коробеев, А. В. Усс и Ю. В. Голик считают: «Советская уголовная политика в традиционном ее понимании есть генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения,

а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [11. С. 7].

При этом доктрина предлагает «говорить о политике борьбы с преступностью (об уголовной политике в широком смысле слова) на трех уровнях: концептуальном, законодательном, правоприменительном» [17. С. 32]. В связи с этим под уголовной политикой следует понимать: 1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (федеральных законах, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и др.); 2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям [3. С. 29].

В любом случае следует исходить из того, что «как бы ни именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью, – уголовной политикой или политикой борьбы с преступностью, – речь идет о важнейшей составной части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики» [16. С. 7]. Уголовная политика не является изолированным явлением. Являясь составной частью общегосударственной политики, она претерпевает влияние экономической, идеологической и социальной политики, и сама влияет на них. Таким образом, уголовная политика формируется под влиянием экономических, идео-

логических, нравственных, социальных и других факторов.

В настоящее время в науке уголовного права наметился такой подход, согласно которому уголовная политика считается родовым понятием по отношению к уголовно-правовой политике. Однако определение содержания уголовной политики вызвало в юридической литературе оживленные дискуссии.

Так, А. А. Герцензон, М. И. Ковалев, Ю. А. Воронин и др. включали в совокупность компонентов уголовной политики помимо специальных мер (криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых, криминологических) меры социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т. д.) [4. С. 179; 8. С. 8].

Не соглашаясь с таким широким пониманием содержания уголовной политики, другие авторы (Н. А. Беляев, С. В. Бородин, И. М. Гальперин, И. А. Исмаилов, А. И. Коробеев, В. И. Курляндский, П. Н. Панченко, А. С. Сенцов, Н. А. Стручков и др.) относят к ее содержанию только специальные меры борьбы с преступностью, регламентированные нормами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. «Расширение сферы уголовной политики путем включения в нее мер, косвенно способствующих успеху в борьбе с преступностью, – отмечает И. А. Исмаилов, – не имеет под собой достаточных оснований и лишает эту политику требуемой конкретности и специфичности» [7. С. 12].

Некоторые авторы (М. М. Бабаев, П. С. Дагель, М. И. Ковалев, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев) в содержание уголовной политики включают еще и меры специально-криминологического и индивидуального предупреждения преступлений, а также криминалистическую и оперативно-служебную политику (П. Н. Панченко).

Так или иначе, понятия «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика» не тождественны друг другу, но соотносятся между собой как общее и особенное. Следовательно, и содержание принципов уголовной и уголовно-правовой политики может в чем-то совпадать, а в чем-то отличаться.

Итак, под *уголовно-правовой политикой* можно понимать ту часть уголовной политики, которая вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголов-

но-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, и выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения.

В уголовно-правовой литературе к содержательной стороне уголовно-правовой политики относят следующие элементы (*задачи*):

- установление основных принципов уголовно-правового воздействия на преступность и формулирование генеральной линии борьбы с ней;

- определение решающих признаков, по которым можно было бы судить об общественной опасности деяний и установление круга деяний, признаваемых преступными (криминализация), а также исключение тех или иных деяний из числа преступлений (декриминализация);

- очерчивание возможных пределов уголовно-правового вмешательства в деятельность общественных и государственных организаций и жизнь частных лиц;

- определение принципов законодательной техники для того, чтобы понятия и институты, составы преступления соответствовали сущности того или иного преступления;

- установление характера наказуемости общественно опасных деяний (пенализация) и условий освобождения от уголовной ответственности или от наказания (депенализация);

- определение альтернативных наказанию мер уголовного характера, а также мер, применяемых наряду с наказанием;

- толкование действующего законодательства в области борьбы с преступностью с целью выяснения и разъяснения его точного смысла;

- нормативное установление исчерпывающего круга субъектов, осуществляющих борьбу с преступностью и реализующих уголовную политику государства;

- направление деятельности правоохранительных органов по применению на практике институтов и норм уголовного права в рамках изменяющихся ситуаций и задач, выяснение их эффективности;

- отслеживание происходящих в обществе изменений в целях своевременного внесения корректив в уголовное законодательство;

- определение путей повышения эффективности воздействия уголовно-правовых мер на правосознание населения [8. С. 16; 18. С. 5; 23. С. 61].

Можно сделать вывод, что принципы, относящиеся к каждому из указанных элементов уголовно-правовой политики, могут называться уголовно-правовыми, ведь сама политика именуется уголовно-правовой. Однако представляется более точным в данном случае говорить о принципах уголовно-правовой политики, потому что эти принципы имеют принадлежность как к праву, так и к политике. Следовательно, понятие «уголовно-правовой принцип» является родовым по отношению к принципам уголовно-правовой политики и принципам уголовного права. Можно также заключить, что принципы уголовно-правовой политики не выводятся из права, а извлекаются из государственной деятельности по борьбе с преступностью, связанной с применением уголовно-правовых мер воздействия на преступность, т. е. те и другие имеют различные источники формирования.

В вопросе о том, как формируются принципы уголовной политики, немаловажное место отводится определению круга ее *субъектов*. Субъекты уголовной политики – это своего рода ее авторы, которые формируют ее идеи, руководствуясь определенными принципами. Участие в формировании, совершенствовании и реализации уголовной политики принимают:

- народ РФ (при проведении референдумов, касающихся вопросов уголовной политики);
- Президент РФ;
- Председатель и члены Правительства РФ;
- Федеральное Собрание РФ;
- политические партии;
- субъекты гражданского общества в форме обращений, заявлений, программ и других политических документов.

При этом ведущее положение на организационно-правовом уровне занимает правоохранительная система Российской Федерации [13. С. 82].

В юридической литературе отмечен так называемый полинормативный подход при рассмотрении *правовых и организационных основ* уголовной политики. Суть его в следующем. Процесс регулирования общественных отношений не может полноценно осуществляться только правовыми нормами в отрыве от других социальных норм – обычаев, норм морали, религиозных, политических, корпоративных норм организаций и объединений и иных со-

циальных правил поведения. Более того, право понимается как регулятор, вступающий в силу только при «недостаточности» морали как средства воздействия на общественные отношения. Поэтому в сложное для России время необходимо упрочить статус морально-нравственных регуляторов правомерного поведения граждан [13. С. 97–102].

Политические нормы могут закрепляться в официальных документах, оформляться в политические доклады партий и других политических объединений, устно излагаться государственными и политическими деятелями и их группами. Но среди политических норм всегда присутствует конкуренция идей, взглядов и программ. Это и отличает политические нормы от правовых. Если рассматривать только нормативно-правовое обеспечение уголовной политики, то можно выделить следующие его источники:

международно-правовые акты (многосторонние и двусторонние, обязательного и рекомендательного характера). Например, можно назвать Конвенцию против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., которая вступила в силу для России 25 июня 2004 г. [29];

законы (Конституция РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы). Так, среди федеральных конституционных законов можно назвать: «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. [25], «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. [24] и др., а из числа федеральных законов – «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. [27]; «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. [22] и пр.;

подзаконные нормативные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, утверждающие различные программы, направленные на борьбу с преступностью). Например, Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 г. № 805 «О Федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002-2006 годы» [26] и т. д.

Таким образом, принципы уголовной политики определяются как из нормативно-правовых источников, так и из источников иного нормативного характера (нормы морали, религии и т. д.).

Соотношение принципов уголовного права и принципов уголовно-правовой политики –

вопрос дискуссионный. По мнению А. И. Коробеева, под принципами уголовно-правовой политики следует понимать «закрепленные в директивных установках и нормах уголовного права (курсив наш. – Т. С.) основополагающие, руководящие идеи и начала в области борьбы с преступностью, направляющие процесс формирования уголовно-правовых средств ведения этой борьбы и практику их применения» [23. С. 70]. Данное определение, претендуя, на наш взгляд, в целом на удачность, необоснованно сближает принципы уголовно-правовой политики и нормы уголовного права. Ведь, будучи закрепленными в законе (причем не обязательно уголовном), принципы уголовно-правовой политики становятся уже не принципами, а нормами права (нормами-принципами). И уж тем более неверно включать принципы уголовно-правовой политики в число «образующих» («составляющих») принципов уголовного права [Там же. С. 70].

Н. А. Беляев к уголовно-правовым принципам относит принципы уголовно-правовой политики, что, на наш взгляд, абсолютно справедливо. По его мнению, уголовно-правовые принципы – это выработанные государством, определяемые закономерностями развития общества, основополагающие (руководящие) идеи, определяющие сущность, содержание, задачи и цели уголовного законодательства и порядок его реализации в целях борьбы с преступностью путем применения уголовного наказания [2. С. 35].

Однако видится необоснованным утверждение автора о том, что поскольку «принципы советской уголовно-правовой политики, будучи закрепленными в нормах права, становятся принципами уголовного права и в этом качестве направляют деятельность соответствующих органов и организаций по применению правовых норм», «никаких различий между принципами советской уголовно-правовой политики и одноименными принципами советского уголовного права не существует» [Там же. С. 32]. Также сближает принципы уголовного права и принципы уголовно-правовой политики М. И. Ковалев [8].

Принципы уголовно-правовой политики и принципы уголовного права имеют различные механизмы и источники формирования. Если первые отражают основные направляющие идеи по борьбе государства с преступностью и извлекаются из программ,

нормативных актов, учений до воплощения в уголовное законодательство, то вторые вырабатываются наукой уголовного права на основе анализа уже существующих норм уголовного права. Принципы уголовно-правовой политики, реализованные в уголовном законе, и есть принципы уголовного права. Сходство же между ними заключается в том, что они отражают одни и те же идеи, программные требования, имеют одну и ту же целевую направленность.

Можно заметить, что значительное число *принципов уголовно-правовой политики*, называемое различными авторами, совпадает по названию, зачастую и по содержанию, с принципами уголовного права. Это не случайность, потому что принципы уголовного права – это реализованные в уголовно-правовых нормах принципы уголовно-правовой политики.

Количество, виды и содержание принципов уголовной политики зависят от исторического периода, а также от субъективного восприятия их авторами. Так, Н. А. Беляев применительно к советской уголовной политике выделяет общие принципы: классовость, советский патриотизм, пролетарский интернационализм, социалистический демократизм, социалистический гуманизм, социалистическую законность, неотвратимость наказания, экономии мер уголовной репрессии; а также специальные (специфические) принципы: ответственность только за совершение преступного деяния, ответственность только при наличии вины, личный характер ответственности, соответствие наказания тяжести и характеру преступления (справедливость), индивидуализацию применения наказания [2. С. 43].

С. С. Босхолов полагает (и не без оснований) что принципы классовости, партийности, пролетарского интернационализма и т. п. в современной ситуации теряют какой-либо смысл, включая в перечень новой уголовной политики такие принципы, как законность, равенство граждан перед законом, демократизм, справедливость, гуманизм, неотвратимость ответственности и научность [3. С. 32].

По мнению А. И. Коробеева, к принципам уголовно-правовой политики можно отнести лишь принципы экономии репрессии, целесообразности, неотвратимости ответственности, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, справедливости [10. С. 33].

Следует заметить, что уголовно-правовая политика должна иметь свои принципы, не свойственные принципам уголовного права. Она представляет собой разновидность государственной деятельности, в то время как уголовное право – это промежуточный результат, продукт этой деятельности. Во-первых, практические принципы не тождественны теоретическим принципам, а во вторых, деятельность может и не привести к желаемому результату. Это учтено Г. Ю. Лесниковым, который называет свой перечень принципов: гуманизм, полинормативность, верховенство права, целостность уголовной политики, единство уголовной политики России, участие гражданского общества в формировании и реализации уголовной политики, взаимная ответственность личности, общества и государства, международное сотрудничество и взаимопомощь в борьбе с преступностью и терроризмом, экономия уголовной репрессии, обеспечение общественной и национальной безопасности. Видно, что среди перечисленных автором принципов есть те, что свойственны только уголовной политике и не могут быть присущи уголовному праву (принцип полинормативности, целостности уголовной политики России и др.).

Заметно, что количество выделяемых в юридической литературе принципов уголовно-правовой политики настолько огромно, насколько велико количество ученых, в поле зрения которых оказалась данная проблема. В рамках настоящей работы рассмотрим лишь те принципы уголовно-правовой политики, которые воплощены в нормах уголовного законодательства или, по крайней мере, претендуют на это.

Принцип законности необходим России как правовому государству. В соответствии с ним преступность, наказуемость и иные последствия совершения преступления определяются только законом. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. В связи с важностью данного принципа как для внутренней, так и для внешней политики Российского государства, законодатель в УК РФ 1996 г. приоритет отдал именно принципу законности (ст. 3 УК РФ).

Принцип равенства граждан перед законом закреплен в ст. 4 УК РФ, где сказано, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности

независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств. Формальное равенство – это необходимое условие для функционирования демократического общества.

Принцип гуманизма в уголовно-правовой политике России получает все большее упорочение. В пояснительной записке к проекту Федерального закона, внесенному от имени Президента России «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и в дальнейшем принятому 8 декабря 2003 г., отмечалось, что основной целью законодательных изменений является гуманизация уголовной политики государства.

Действительно, наблюдается гуманизация российской уголовной политики, и причем, по замечаниям ученых и практиков, гуманизация зачастую необоснованная [1. С. 259–267; 6. С. 31–36; 21. С. 112–117]. Можно согласиться с тем, что современная уголовная политика несет в себе большой заряд «гуманности» (в сторону либерализма), нежели действующее уголовное законодательство [15. С. 66–67]. Так, УК РФ предусматривает назначение смертной казни (ст. 44, 59, ч. 2 ст. 105 и др.), однако фактически сохраняющийся мораторий на ее применение есть ничто иное, как несущий в себе большой заряд гуманности уголовно-политический шаг. Поэтому при сохранении данной тенденции в уголовной политике государства неизбежен результат – еще большая «гуманизация» уголовного законодательства.

Для понимания указанной тенденции обязательно следует учитывать тот исторический момент, в котором был принят Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. Окончание долгого исторического промежутка времени, в течение которого государственные интересы были на первом месте, а конкретная личность отодвигалась на второй план, не могло не сказаться на новом УК. Авторы преобладавшей Концепции судебной реформы Российской Федерации 1992 г. понятие борьбы с преступностью объявили «вульгарной идеей» [9. С. 19, 33, 35]. Возобладала не охрана публичного интереса, как было раньше, а, скорее, идея диалога государства и личности в их споре по определенным делам [6. С. 33].

Как видно из структуры УК РФ 1996 г., российский законодатель поставил на первое место охрану личности (раздел VII УК), отстранив на последнее место задачу охраны мира и безопасности человечества (раздел XII УК). Прав П. Н. Панченко, рассматривая данный законодательный шаг в качестве проявления антисоветского настроения [20. С. 81–82]. Ведь в действительности приоритет общих интересов над частными является завоеванием не столько советским, сколько общемировым, о чем лишний раз свидетельствует расположение разделов и глав в особенных частях уголовных кодексов зарубежных государств.

Принцип справедливости в российской уголовно-правовой политике не связывается с постсоветскими изменениями в жизни общества. Еще в Политическом докладе ЦК КПСС отмечалось, что строгое проведение в жизнь принципа социальной справедливости – важное условие единства народа, политической устойчивости общества и динамизма его развития, а среди наиболее важных задач советского законодательства называлось способствование проведению в жизнь принципов социальной справедливости [30. С. 90].

Принцип экономии репрессии проявляется на разных стадиях реализации уголовно-правовой политики. На стадии законотворчества, во-первых, следование данному принципу означает криминализацию только тех деяний, которые действительно представляют достаточную степень общественной опасности. Отнесение к числу преступных деяний, которые не несут в себе значительного заряда общественной опасности, является малоэффективным средством борьбы с такими деяниями. Следовательно, применение уголовно-правовой репрессии должно иметь место только в тех случаях, когда иными средствами воздействовать на правонарушения не представляется эффективным.

Во-вторых, реакцией на признаваемое уголовным законом преступным поведение должны быть такие меры, которые являются достаточными для выполнения задач общей и частной превенции. Излишняя строгость, заключающаяся в несоответствии меры уголовно-правового воздействия, предусмотренной в УК, характеру и степени общественной опасности деяния, не соответствует представлениям о справедливости, научности, подрывает в глазах народа авторитет уголовного закона,

ведет к излишней расточительности уголовно-правовой репрессии.

На стадии правоприменения рассматриваемый принцип реализуется в том, что, имея в арсенале различные средства воздействия на нарушителя уголовно-правового запрета, правоприменитель должен выбрать наименее репрессивное средство для достижения положительного эффекта. Не допускается выбор ответной на преступное поведение меры «с запасом».

Принцип экономии репрессии также предполагает: своевременную декриминализацию деяний, которые со временем утратили определенную степень общественной опасности; применение мер воздействия, альтернативных лишению свободы; усиление депенализационных процессов.

Принцип экономии репрессии дополняется *принципом целесообразности*, означающим, что все меры уголовно-правового воздействия должны быть установлены в законе, применены и исполнены таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечить достижение тех целей, которые перед ними ставятся [23. С. 75]. Целесообразность всегда предполагает определенный набор средств достижения результата и означает применение лишь тех средств, которые ведут к достижению нужной цели. Его содержание можно рассмотреть также применительно к законотворческому и правоприменительному уровням.

Что касается криминализации деяний (законотворческий уровень), то она будет оправданной лишь тогда, когда у законодателя не останется сомнений в целесообразности установления уголовно-правового запрета. Противоречие уголовно-правового запрета целям уголовной ответственности делает его нецелесообразным и должно повлечь его отмену.

Для сферы правоприменения рассматриваемый принцип означает: освобождение от уголовной ответственности и наказания, если нужные цели уже достигнуты; неприменение мер освобождения от ответственности или наказания при наличии законной возможности их применить, если это соответствует целям борьбы с преступностью; замену уголовной ответственности другими мерами, если ее цели могут быть достигнуты другим путем; варьирование (смягчение или усиление) уголовной ответственности, если это согласуется с ее целями.

Принцип неотвратимости ответственности. Некоторые юристы относят эту идею к числу принципов уголовно-правовой политики [14. С. 166; 19. С. 53–54]. Однако уголовно-правовая политика, реализуемая Российским государством, свидетельствует об обратном. Неотвратимость ответственности предполагает ее неминуюемость, стопроцентное применение и абсолютное исключение возможности освобождения от нее лица, совершившего преступление. Прав В. К. Дуюнов, что «предусмотренные российским уголовным законодательством широкие возможности освобождения виновных от уголовной ответственности (ст. 75–78, 84, 90 УК РФ), к тому же широко используемые в юридической практике, что является безусловно целесообразным и правильным, “не вписываются” в рамки указанного принципа» [5. С. 140].

Кроме того, высокий уровень преступности в России, переполненность исправительных учреждений лицами, отбывающих наказание в виде лишения свободы, экономический кризис в стране и многие другие факторы не позволяют перейти к реализации принципа неотвратимости ответственности в уголовном праве.

В российской уголовной политике очевидны тенденции обращения к принципу неотвратимости ответственности, но лишь в борьбе с узким кругом преступлений, представляющих наиболее высокую опасность для современного российского общества и всего мира. Так, в качестве одного из принципов неотвратимость фигурирует в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. [22. С. 12] Однако до сих пор уголовная политика России, с одной стороны, характеризуется последовательной борьбой с наиболее опасными преступлениями (организованная преступность, терроризм, наркобизнес и т. п.), с другой – она направлена на сужение сферы уголовной ответственности за преступления, не представляющие повышенной опасности (применение к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести, освобождения от уголовной ответственности, использование условного осуждения и т. п.). Такая двойственность уголовной политики России не оставит шанса для отказа от таких мер, как условное осуждение, освобождение от наказания и уголовной ответственности и т. д. Поэтому для настоящего этапа развития уголовной политики

Российской Федерации говорить о неотвратимости ответственности как всеобщем ее принципе не представляется обоснованным.

Принцип индивидуализации ответственности. С начала существования СССР руководством страны проводилась политика реализации в законе и судебной практике принципа индивидуализации наказания. Суды в своей практике руководствовались высказыванием В. И. Ленина: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов...» [12. С. 204]

Действующий УК РФ 1996 г. предоставляет суду широкие возможности для реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности. Причем индивидуализация осуществляется не только в рамках относительно определенных санкций статей Особенной части УК – предусмотрена возможность назначения наказания ниже низшего предела санкции, установленной законом (ст. 64 УК); обязательен учет указанных в законе смягчающих и отягчающих обстоятельств (ст. 61–63 УК); в законе закреплена возможность назначения условного наказания (ст. 73 УК) и пр.

Принцип личной ответственности, достаточно неплохо разработанный учеными-юристами к концу XX в., сегодня, по сути дела, в УК РФ предан анафеме. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации») [28], «штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия». Очевидно, что применение в данном случае мер уголовной ответственности (взыскание штрафа) к родителям или

иным законным представителям несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, противоречит принципу личной ответственности, поскольку эти меры распространяются на тех лиц, которые: 1) не совершали преступления, и их деяния не содержат признаков состава преступления; 2) фактически несут ответственность за чужие деяния. Думается, что такие исключения из рассматриваемого принципа не могут быть оправданы даже более высокой степенью результативности взыскания штрафа с перечисленных выше лиц (чем, возможно, и обосновано такое законодательное решение). Отход от данного аспекта принципа личной ответственности означает недопустимое включение в уголовное законодательство положений, которые могут быть свойственны только другим определенным отраслям права. В данном случае уместно привести в пример гражданско-правовые нормы о субсидиарной и солидарной ответственности (например, ст. 399 ГК РФ). Это противоречит и другим принципам уголовного права, например принципам законности и вины. Применение мер уголовной ответственности без наличия оснований уголовной ответственности и вины лица в совершении преступления недопустимо.

Отсутствие единого уголовно-политического нормативного акта не позволяет признать уголовную политику Российской Федерации целостным программным курсом. Однако предложения создать такой документ уже высказывались на страницах юридической литературы. Так, в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ была подготовлена теоретическая модель основ государственной политики борьбы с преступностью в России [31]. Но данная концепция, несмотря на то, что была одобрена Советом Безопасности Российской Федерации, заинтересованными ведомствами и научными учреждениями, все же была отклонена некоторыми руководителями Администрации Президента РФ [6. С. 34–35].

Все это порождает ситуацию, когда новые уголовно-политические решения противоречат давно уже укоренившимся в юридической науке и правовой действительности принципам. В связи с этим жизненно необходимо в ближайшее время: 1) утвердить единые государственные уголовную и уголовно-правовую политики, закрепив их в едином офици-

альном документе; 2) указать в нем основные принципы проводимой государством политики в области борьбы с преступностью.

Список литературы

1. *Алексеев А. И.* Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1.
2. *Беляев Н. А.* Избранные труды. СПб., 2003. 569 с.
3. *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. 303 с.
4. *Герцензон А. А.* Уголовное право и социология. М., 1970.
5. *Дуюнов В. К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 512 с.
6. *Журавлев М. П.* О формировании государственной политики борьбы с преступностью и ее принципов // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 28–29 марта. 2005 г.: В 2 ч. / Под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2005. Ч. 2. 212 с.
7. *Исмаилов И. А.* Уголовная политика как сложная система // Учен. зап. Азерб. ун-та: Сер. юрид. наук. Баку, 1975. Вып. 1.
8. *Ковалев М. И., Воронин Ю. А.* Криминология и уголовная политика: Учеб. пособие. Свердловск, 1980.
9. *Концепция судебной реформы Российской Федерации.* М., 1992.
10. *Коробеев А. И.* Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. 267 с.
11. *Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. 224 с.
12. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35.
13. *Лесников Г. Ю.* Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004. 200 с.
14. *Лопашенко Н. А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004.
15. *Лопашенко Н. А.* Парадоксы и проблемы законодательной регламентации принципов уголовного права и пути их преодоления /

Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 28–29 марта 2005 г.: В 2 ч. / Под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2005. Ч. 2. 212 с.

16. Миньковский Г. М. Политология борьбы с преступностью (вместо предисловия) // Исмаилов И. А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). Баку, 1990.

17. Миньковский Г. М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. М., 1995. 215 с.

18. Михеев Р. И. Уголовная политика Российской Федерации. Научная концепция и Теоретическая Модель правовых норм де леге ференда для реализации в законодательстве Российской Федерации. Владивосток, 1998.

19. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. М., 2004. Т. 1. Общая часть. 496 с.

20. Панченко П. Н. Принципы уголовного права и эффективность уголовного законодательства по решению стоящих перед ним задач // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: Всерос. науч.-практ. конф., 25–26 марта 2004 г.: В 2 ч. / Под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ

ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Ч. 1. 212 с.

21. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.

22. *Российская газета*. 2006. 10 марта.

23. *Российское уголовное право: Курс лекций* / Под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1. Преступление. 604 с.

24. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. № 13. Ст. 1447.

25. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 1. Ст. 1.

26. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 49. Ст. 4623.

27. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 30. Ст. 3031.

28. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 50. Ст. 4848.

29. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 40. Ст. 3882.

30. Сундуров Ф. Р., Тарханов И. А. Социальная справедливость и гарантии ее реализации в советском уголовном законодательстве // XXVII съезд КПСС о развитии марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Казань, 1987. Вып. 6.

31. Сухарев А. Я., Алексеев А. И., Журавлев М. П. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997.

Материал принят в печать 14.12.2006